

Михаил Горбачев: «Мы с Раисой были привязаны друг к другу насмерть»

Много лет назад, когда будущий первый и единственный президент СССР еще усердно конспектировал классиков марксизма-ленинизма, его поразила фраза Энгельса о том, что женщина - это другая цивилизация. Потому ли, что взял понравившееся выражение "на карандаш", а может, просто любовь к жене оказалась слишком сильной, Горбачев никогда не скрывал своего восхищения живущей рядом женщиной, безоглядно опрокидывая непринятой нежностью brutальные стереотипы соотечественников. Как живет Михаилу Сергеевичу сегодня? О чем он думает, оставаясь дома один? Какой вспоминает жену? Что изменилось в нем с утратой защищающей ауры любви? Обо всем этом Михаил Горбачев рассказал обозревателям "Известий" Марине Заваде и Юрию Куликову.

Раненый человек или умирает, или рана у него затягивается. Прошло семь лет, как нет Раисы Максимовны. Можно ли сказать, что ваша жизнь после смерти жены вошла в относительно размеренную колею?

Наверное, весь грустный опыт человечества вылился в незатейливой фразе "Время лечит". Это так. Но хоть боль и притупилась, рана ноет. Потому что мы с Раисой были привязаны друг к другу насмерть. Как это получилось, не знаю. Увидел ее один раз - и пошло. Все мы разделили - и драмы, и трагедии, и счастье огромное. Болезнь жены застала врасплох. В июне чудесно съездили в Австралию. Любовались природой, океаном, я много выступал. А в июле началась эта беда. Исследовали, исследовали, чего только не искали. Потом, когда сделали пункцию, все стало ясно.

За 60 дней, что мы не расставались в мюнстерской клинике, полностью перебрали пережитое. Она спрашивает: "Моя жизнь кончилась?" И смотрит в глаза, как всегда. Знала, что врать ей не могу. Я и не врал. Однако и всей правды не в силах был выговорить. Произнес только: "У тебя очень тяжелая болезнь крови". - "Рак?" - "Я не знаю. Но ты старайся, не сдавайся. Мы это одолеем". К Раисе в палату нельзя было приносить прессу, чтобы не попала инфекция. Однажды я нарушил запрет. Это были как раз "Известия". Две колонки под заголовком "Леди Достоинство". Прочитал их вслух, и вдруг она заплакала. Прошептала: "Выходит, надо умереть, чтобы меня поняли..." Колоссальная сила духа, сложный внутренний мир, Вселенная. Может, оттого Раиса и не стала заурядно-привычной, как это нередко бывает у супругов. Откуда в ней, выросшей в тайге, в вагончиках, в простой среде строителей дорог, вечно кочующих, как цыгане, такой аристократизм?

Откуда эта сдержанная гордость, захватившая меня с самых первых встреч? Ее невольно чувствовали все. Ну, что Раиса, извините, не баба.

В одном из интервью ваша дочь Ирина заметила: "Когда мамы не стало, я три года каждый день была с папой - ему было просто необходимо видеть, слышать, чувствовать человека, который выглядел бы так же, как она, так же говорил и таким же образом жестикулировал". Как это притупилось? Исподволь, незаметно? В какое мгновение вы вдруг ощутили, что "сбитый летчик" парадоксальным образом продолжает жить?

Мне до сих пор невыносимо возвращаться в памяти к тому времени. Уход Раисы стал огромным испытанием. Вся семья осиротела: и дочка, и внуки. Это нас еще больше сблизило. Тем не менее я долго чувствовал себя одиноким. Не хотелось жить, откровенно говоря. Я даже как-то не выдержал и сказал об этом вслух, хотя такая несдержанность за мной не водится. Ирина, Ксюша с Настенкой - только они оказались спасением. Дочку в те дни я частенько называл Раей. Какого-то реального мгновения, когда внезапно "отпустило", не существовало. Просто я понял, что нельзя все глубже и глубже погружаться в отчаяние, тонуть в нем. Жизнь - от Бога, и никто не вправе иначе на это смотреть. Но я же к Богу еще только иду (смеется). Короче, я смирил себя, принял все, что случилось.

Вот сейчас 75-летие Раисы отметили в Германии, куда перед Новым годом дружно уехали всей семьей. Попутно собираюсь в Мюнхене провериться после ноябрьской операции на сонной артерии. За границей к нам присоединились самые близкие друзья. Кто-то прилетел из Москвы, кто-то - из Швейцарии, кто-то, как Джульетто Кьеза и его жена Фьяметта, - из Италии. Следом, по цепочке Иришкин юбилей замечательно отпраздновали. Мне крайне симпатична атмосфера, которая царит в кругу ее друзей. И приятно, что я им не в тягость (смеется). А то бывает, старикам создают "шоколадные" условия, а общения с поколением next лишают.

В декабре 1991 года многих изумило, с каким достоинством вы не стали цепляться за власть. А могли бы, вас к этому упорно подталкивали. Шальная мысль бороться до конца - хотя бы ради Раисы Максимовны, дочери, внучек - не приходила в голову?

Я считаю, что боролся до конца. Но! Против лома нет приема. В декабре уже ничего нельзя было сделать. Я видел, сколько "мурла" вокруг меня. И Ельцин - не худший из них. После августа моя репутация оказалась сильно подпорчена. Люди стали рассуждать: "У Горбачева не ладится, а Ельцин - то, что надо, наш мужик". Мне удалось осенью многое исправить. Бурбулис даже написал конфиденциальный меморандум (Руцкой, правда, мне тут же передал копию), где утверждалось, что Горбачев хитроумными

ходами отобрал 50 процентов победы августовской революции. Это Ельцина завело. А в заведенном состоянии он черт-те на что способен. В противном случае может элементарно заснуть... Я, безусловно, размышлял. Сейчас пишут: "Горбачев обзвонил командующих". Мол, заручался поддержкой. Да никому я не звонил. Чтобы до такой степени унизиться! Самостоятельно пришел к выводу, что прибегнуть к силовому варианту означает пустить под откос все демократические достижения. Было бы непростительно замкнуться на собственной персоне, заикнуться на эгоистических интересах семьи. Тем паче в ситуации, когда дело могло обернуться расколом страны, гражданской войной.

Раиса, естественно, очень тяжело переживала. Особенно хамство, с которым вышвыривали одновременно из президентской квартиры и с дачи. Объявили: "Немедленно. За сутки". Мы тогда в спешке сваливали в кучу личные вещи. Грузили в машину. А какие-то типы ходили следом и вели оскорбительную ревизию, подозревая, что Горбачевы будут тащить казенное имущество. Грубо спрашивали: "Куда делась эта мебель? Та?" Коменданты говорят: "Да нет, все в наличии - по списку". Господи! Какая мебель?! Что за народ! Такая мелкая мстительность! Лучше бы сейчас поинтересовались, как Ельцин умудрился остаться на президентской даче, все там под себя перестроить и, по-моему, уже переписать на родственников.

Вы по-прежнему обитаете на той государственной даче, куда вас с издевательской экстренностью в течение 24 часов отселили после отставки? Раиса Максимовна, знаем, эту бюрократическую дачу терпеть не могла. Что вызывало отторжение? Память о пережитом унижении? Казенность обстановки, на которую ваша жена болезненно реагировала?

Ей претила казенщина. Не любила громоздкую мебель. Первым делом в какой-нибудь чулан выносились ковры. Чтобы пыль не заводить. Вместо этого на стены вешался иконостас из семейных фотографий. Дом сразу наполнялся теплым человеческим духом. Раисе нравились небольшие вещи. Где бы ни была, покупала маленькие безделушки. Все они так на даче и стоят. Ее умиляли мелкие цветы. Простенькие луговые растения вызывали в десять раз больше эмоций, чем шикарные длинные розы.

Люди, близко знакомые с Раисой Максимовной, рассказывают, что она фанатично поддерживала чистоту в каждом из своих, увы, временных жилищ. Кто-то пошутил про президентскую резиденцию: "Опрятно, как в ставропольской горнице" ...

Да, фанатично поддерживала порядок в самых никудышных коммуналках, где мы обитали. В убогих съемных квартирах. Она была чистюля. Ирина - такая же. И внучки. Особенно старшая. А что касается временности жилья, то Раиса иногда говорила: "Хорошо бы иметь свой

домик где-нибудь в теплом месте, на берегу моря". Но это вскользь, мимолетно, абсолютно неосуществленные грезы. Странная вещь: мечтая вроде о юге, она обожала метель. Я как раз на днях вспоминал, своим рассказывал, что, как только метель начиналась, Раиса меня тянула: "Пойдем погуляем". Порой выходили и блуждали в настоящий буран. И дождь отчего-то ее завораживал. Не ливень, а мелкий, который сеет и сеет. Надевали сапоги, брали зонты - и вперед. Удивительное влечение. Но метель - это что-то. Просто страсть.

Когда люди долго живут вместе, они вбирают в себя привычки друг друга. Вы тоже полюбили ненастье? Или вынуждены были с неохотой гулять?

Метеорологические пристрастия жены стали и моей стихией. А что? Метельная страна, метельный народ.

Какие характерные словечки, выражения из лексикона жены вы невольно позаимствовали?

С ходу не вспомнить. Но много, много...

Как минимум это, наверное, "плюрализм" и "консенсус". Раиса Максимовна же по образованию философ.

(Смеется). Я был первым слушателем ее вузовских лекций. Порой Раиса меня жутко мучила. Подготовится, уже получается блестяще. Нет, надо закрепить. По второму разу идем. Перфекционистка! У нее был очень красивый почерк. На стене в библиотеке до сих пор висит листок, где рукой жены выведен один из ее любимых афоризмов: "Погибает не тот, кто устал, а тот, кто остановился". Кстати, некоторое время назад мы "чистили" огромную домашнюю библиотеку. От каких-то изданий отказались. Но весь блок Раисы Максимовны - ее философские, политологические книги - полностью оставили. И на прикроватной тумбочке как лежали два тома, которые она читала последними, так и остались лежать.

Вы что-то изменили на даче за прошедшие семь лет?

Я ничего не трогаю. Разве что-то из мелочей добавляется. При жизни Раисы мы разделили рабочий кабинет стеночкой: по одну сторону - стол жены, по другую - мой. Некоторые советуют сделать перестановку, говорят: "Зачем себя истязать?" Но у меня рука не поднимается что-либо менять. Как все жена оставила, так и есть.

Года два назад вы нам говорили, что Раиса Максимовна начинала работать над книгой. После нее осталось 25 папок, красными чернилами озаглавленных "Отчего болит сердце". Вы сокрушенно признались, что

не решаетесь прикоснуться к написанному. Что-то с тех пор изменилось?

Смотрел. Смотрел. Однако не могу найти в себе силы полностью разобрать бумаги жены. Начинаю - и тут же откладываю.

Вы сказали, что одна из папок целиком посвящена вам.

Да что там! Все 25 посвящены. Но особо личное я отложил в укромное место. Там же храню прядь первых Иришкиных волос, роддомовские бирочки - ее и внучек. Это мой сердечный архив. Совершенно секретный (смеется).

А одежда жены, ее вызывавшие зависть костюмы и платья сохранились? Вы иногда подходите к этому шкафу?

Почти весь гардероб Раисы я сохранил в неприкосновенности. Само собой, по русской традиции часть крупных вещей мы раздали - сестре Людочке, близким. Но масса всего осталось. С каждой вещью жены у меня что-то связано. Например, в сером костюме с вишневой блузкой я ее полюбил - студенткой. В спальне висит эта давняя прекрасная фотография, где Раиса снята перед выпускным вечером в МГУ. Жена знала, что понравилась мне в том наряде, и позднее не раз использовала сочетание двух любимых цветов. Я нет-нет и открою шкаф. Запах ее духов, целый мир всяких тонкостей женских. До одного ящика руки долго не доходили. А тут зачем-то полез и обмер: ее колготки! И представляете, надписи - к какому костюму какие. Научная организация труда (смеется).

Мне нравилось, что жена следит за собой, красиво одевается. Я был ее главным критиком. Вот они что-то в соседней комнате примеряют, шепчутся с Иринкой. Потом выходят. Я - последняя инстанция. Если говорил: "Ничего", через короткое время этой вещи точно не будет. А если показывал большой палец, Раиса прямо светилась. Ни разу за всю жизнь она не появилась передо мной, не приведя себя в элементарный утренний порядок. А я встал - и пошел (смеется). Совсем другая натура.

Раиса Максимовна любила, чтобы вы тоже хорошо одевались?

Очень следила. Как и Ирина. Но меня ведь трудно нагнуть. Я старую одежду люблю, привычную. Дома вообще хожу как бомж (смеется). Только так чувствую себя комфортно.

Вы - как Родион Щедрин, который забавно признался: чтобы снять напряжение, ощутить себя расслабленно, по-настоящему дома, ему необходимы затасканные, вытянутые на коленях тренировочные брюки.

Вот-вот, понимаю.

Жена вас ругала за привязанность к отжившим свой век вещам?

Тайно выбрасывала. Иной раз ищу, ищу старые туфли - не могу найти. Ирина то же делает. К слову, не только внешне, но и всем своим существом, силой характера она - копия мамы. Ксения, старшая внучка, тоже похожа на Раису. Но больше - Ирина. Хорошее издание матери. Очень независимая, критичный ум. Ну, мы ее так воспитывали. И своих дочерей Ирина растила в духе свободы. Они демократичные, смешливые, раскованные.

Раиса тоже отличалась жизнелюбием. Но одновременно была очень ранима. Первое, что терзало ее душу, - любимый брат Женя Титаренко. Умница. Одаренный, добрейший человек. Окончил Литинститут. И спился вдребезги. Бывало, утром мне докладывают: Евгений появился из Воронежа, его нашли в скверике пьяным. Он какое-то время жил у нас. Мы его лечили. И в ЦКБ, и в психоневрологической клинике... Но Женя не хотел жить ни с нами, ни с мамой. Это же контроль. А ему надо было, чтобы никто не мешал. За ночь, работая над книгой, мог выпить бутылку водки или коньяка. Раз Иришке преподнес подарок - сушеную воблу. Представляете ужас Раисы? Она страшно страдала, видя, как он деградирует. Такой парень! Женя написал несколько романов. Я помню два: "Обвал" и "Огнепоклонницы". Еще поддразнивал: "Ты что, идешь по стопам Гончарова? Все на "о"..." Привязаны мы были к нему здорово. А Раиса - та испытывала болезненную нежность. Горе: сорвался человек - и конец.

Каждое утро вы по шесть километров ходите пешком. Это один и тот же маршрут - проложенный некогда вместе с Раисой Максимовной?

Так получилось, что после моей отставки нас поселили на той государственной даче, где мы обосновались вначале, перебравшись из Ставрополя в Москву. Сама дача плохая, дряхлая, рассыпается. А территория замечательная, большая. Чем мне и нравится. Настоящий лес. Здесь мы с Раисой много ходили. И сейчас я делаю семь кругов за час по периметру участка.

Раньше вы, видимо, успевали все обсудить с женой во время прогулки?

О, на этих дорожках много чего сказано!

О чем молчите сейчас? Сколько грустных мыслей способны вместить шесть километров тишины?

Это невозможно выразить словами. Воспоминания не становятся размытыми, нисколько не бледнеют. Но в последнее время я намеренно так

себя загрузил, что не остаюсь только в прошлом. Смотрите: Форум мировой политики, Международный Зеленый Крест... Теперь еще Владимир Владимирович попросил взять на себя обязанности сопредседателя "Петербургского диалога". Добавьте мой собственный фонд, всякие другие фонды... Всем этим я занимаюсь. Дня четыре накануне Нового года во время прогулок обдумывал статью для корпорации "Нью-Йорк Таймс синдикейшн", с которой заключил договор. В конце каждого месяца будут печатать Горбачева. И пока я не отправил первый аналитический материал, не отпускали раздумья, как его выстроить, какие злободневные мысли сделать стержневыми. Мне это интересно.

Как часто вы бываете дома совсем один?

Каждый вечер. Ложусь спать часа в два. Это еще президентская привычка дурацкая. Вынужденная. Возвращался домой после десяти. Мы с Раисой обязательно гуляли, затем снова садился за письменный стол. Тишина, все улеглись. Уютно сидеть одному в окружении книг. Это во мне осталось. Пишу, читаю много газет. Журналы. А за художественной литературой следить перестал. То, что сейчас издают, настолько уступает классике! Вот к ней обращаюсь постоянно. Тут постоял, поглядел на двадцатитомник Льва Толстого, наугад вытащил книгу. И так увлекся! До утра "Хаджи-Мурата" перечитывал.

То есть уединение вас не пугает?

Я не избегаю одиночества. Постоянно вижусь с Ириной и внучками. Но иногда чувствую потребность побыть одному. Спустя время после того, как перестал быть генсеком и президентом, с удивлением нашел в своем нынешнем состоянии массу преимуществ. Это неизведанное ощущение: я абсолютно свободный человек.

Читали в интернете, что минувшим летом вы ужинали в лондонском ресторане "Плющ" с Маргарет Тэтчер. Наверное, в благодарность за то, что баронесса участвовала в проводимом вами в Англии благотворительном аукционе в пользу страдающих лейкемией детей, вы держали ее за руку?

Нафантазировали. Маргарет не участвовала в аукционе. Она появилась перед началом мероприятия, когда собрался совсем узкий круг. А до этого мы с Ириной заехали к ней домой поздравить с 80-летием и вручить сувенир. Тэтчер тогда ошеломила меня вопросом: "Михаил, тебе не хочется еще порулить?" Я искренне ответил: "Ну, нет, Маргарет". Она усмехнулась: "А я бы не против". Вполне в ее духе.

Раиса Максимовна никогда не ревновала вас к "железной", но изысканной леди?

о: Это же нелепо, если бы так было. Наши семьи связывали теплые отношения. Раиса и Маргарет нравились друг другу. Однажды Тэтчер позвонила мне и спросила, не может ли Раиса Максимовна дать ее дочери-журналистке подробное интервью. Ей хотелось, чтобы дочь продемонстрировала в редакции возможность работать на таком уровне. Мы встретились в Москве, в английском посольстве, и, пока Раиса отвечала на вопросы, Маргарет и я у камина в Синей гостиной, как бойцы, вспоминали минувшие дни.

Михаил Сергеевич, вы много работаете, ездите по миру, читаете лекции. В свободное время где-нибудь в Нью-Йорке бываете на бродвейских мюзиклах, гуляете в Центральном парке... Вы - тот же Горбачев, что до смерти Раисы Максимовны? Или иной человек? Как по другому поводу жалостливо написал один маленький мальчик, "души маей никто не знает"...

Вы правы: я сохранил интерес к жизни. Думаю, я - прежний Горбачев. Но, безусловно, такой кусок души ушел с Раисой, что, может, мне это только кажется...

"Известия", №3, 12.01.2007 г.